



Русской поэтессе Светлане Кузнецовой 14 апреля прошлого года исполнилось бы 85 лет. И пусть не покажется странным, что в эту юбилейную дату о ее поэзии, об ее судьбе размышляет якутский поэт, из своего медвежьего угла, но искренне и с преклонением перед этим сильным, ярким и неповторимым талантом...

Ее первая книга в 1962 году была издана в «Молодой гвардии» с предисловием Александра Прокофьева. Сибирячка из Иркутска переехала в Москву в середине 60-х годов, окончила Высшие литературные курсы. Тогда же ее заметил Александр Твардовский. Он в журнале «Новый мир» опубликовал стихотворение Светланы Кузнецовой «Мои родители»:

*Ах, родные мои, как вы жили,
Если три революции были,
Если столько лет с голодовками,
Если столько зим с холодовками!*

Родословная у Светланы Александровны была знатной. Отец — Александр Александрович Кузнецов, был директором школы, потомок ссыльных поляков — участников восстаний. Мать — Лидия Ивановна Амосова, учительница русского языка и литературы, потомок Дмитриевых из Самары, сосланных в Сибирь в XIX веке по политическим мотивам. Впрочем, род Кузнецовых в Сибири был известен как золотопромышленный, купеческий, а род Амосовых — своей принадлежностью к дворянству. Светлана родилась 14 апреля 1934 года в Иркутске, но очень скоро родителям пришлось уехать в Киренск, затем в Бодайбо. Происхождение супругов могло обернуться в те годы арестом, и потому Кузнецовы сами добровольно отправились в ссылку.

Детство Светланы прошло в поселке Бодайбо на берегу реки Витим. Тогда эти места были в составе Якутской АССР. Бодайбо являлось крупным золотопромыш-

ленным центром. Окончив там школу, Светлана поступила на филологический факультет Иркутского госуниверситета, но после ранней смерти отца вынуждена была оставить учебу.

Стихи она начала писать с 9 лет. Поэт Анатолий Преловский позже вспоминал, как в Иркутской писательской организации обсуждали стихи юной Светланы Кузнецовой. Старшие товарищи не скупилась на резкие отзывы и обвинения в камерности. «И долго бы, наверное, не появилась книга стихов Кузнецовой, если бы ее не заметил в то время Александр Прокофьев. В «камерности» поэта Прокофьев увидел не изъян, а достоинство: своеобразие, даже уникальность поэтического склада». После первой книги последовала вторая, которая была издана в том же издательстве «Молодая гвардия» в серии «Библиотечка избранной лирики», — писал Преловский.

Столь удачное начало было многообещающим. И Светлана Кузнецова одну за другой издала несколько книг: «Соболи», «Только о любви», «Сретенье», «Забереги». Ее стихи в это время публикуются в «Дне поэзии», в библиотеке журнала «Огонек», в газете «Литературная Россия». Но с 1972 года по 1982 год имя Светланы Кузнецовой исчезает из средств массовой информации, книги не издаются. Это десятилетие было очень трудным для Кузнецовой — она потеряла мать, затем брата. Одиночество вплотную подступило к ней.

Современники ответственность за этот негласный запрет на публикации возлагают на поэтессу Римму Казакову, которая была секретарем Союза писателей СССР. Исследователь творчества Кузнецовой Н. Егорова указывает на конфликт между поэтессами, который произошел в поездке по Узбекистану. Светлана Кузнецова не захотела по призыву Казаковой стоя выпить за секретаря ЦК КПСС Узбекистана Рашидова. Н. Егорова также пишет и о другом случае, когда вновь сошлись две поэтессы, теперь уже во время поездки на Сахалин. «После смерти матери Светлана Кузнецова осталась на белом свете одна. Тогда-то и обнаружилась главная врагиня в московской жизни — цепкая, хваткая, беспринципная...», — пишет она.

Сегодня невозможно быть третьей стороной в этом деле, но то, что Светлана Кузнецова была вытеснена из литературного пространства на десять лет — это факт неоспоримый.

Что значит запретить поэту печататься? Это просто убийственно. Не печататься — это не иметь гонораров, не иметь доходов, а значит просто не иметь возможности жить. Подруга поэтессы Александра Плохова вспоминает, что Кузнецовой приходилось продавать мебель, столовое серебро и даже книги. Кузнецова и без того была поэтом трагедийного мироощущения, а тут было от чего опустить руки. Конечно же, она писала. Писала в стол. Много переводила. И якутских поэтов тоже. Не знаю уж, какими кружными путями, через издательство или по рекомендации сибиряков к ней попала рукопись талантливейшего поэта Дьюона Дьянгли. Его поэтическую книгу полностью перевела Светлана Кузнецова. Также Светлана Александровна перевела на русский язык очень самобытного, талантливейшего якутского поэта Таллан Бурэ. Это была единственная книга на русском языке из богатейшего творческого наследия Таллан Бурэ. Многие переводчики не брались за его стихи, считая их слишком сложными для перевода. Позже она переводила стихи народных поэтов Якутии Эляя, Семена Данилова, Саввы Тарасова, Петра Тобурокова, Рафаэля Багатайского и Николая Рыкунова.

Иркутяне всегда, по сей день, испытывают особый интерес к Якутии. Может быть, это обусловлено историческим обстоятельством — долгие годы Якутия

была губернией в составе Иркутской области. И, конечно же, за это время образовалось множество культурных связей и интересов. А Светлана Кузнецова выросла в Бодайбо, которое до 1922 года по административному делению входило в состав Якутии.

Перечитывая сегодня ее стихи, понимаешь, что Светлана Кузнецова была настоящей сибирячкой, в ее кровь и плоть вошли сибирская прямота и открытость:

*Какие каши не заваривали
В краю отчаянных отцов!
«Закон — тайга, — тогда говаривали, —
Закон — тайга, и нет концов».*

*Закон — тайга. Она крутая,
Она охоча до добра.
Закон — тайга! Она густая,
Гостеприимна и щедра.
Она не зря людей сдружила.
Она награда за труды,
Свет рек и золотая жила,
Куски тяжелые руды.
Она мой мир, а не икона.
Моя надежная судьба.
Ее великие законы
Беру законом для себя.
Смеюсь и падаю на белые,
На очень белые снега.
Всему, что делаю и сделаю,
Я говорю: «Закон — тайга!»*

Человеку, который вырос в Сибири, да еще декларирующему, что «берет законом для себя великие законы тайги», конечно же, непросто было вжиться в мегаполис, принять условности московской богемной литературной жизни. Хотя Светлана Кузнецова по возрасту и времени относится к поколению «шестидесятников», она, по воспоминаниям современников, резко отстранялась от них и не любила, когда ее относили к этой формации поэтов. Как пишет Н. Егорова «Евтушенко и Вознесенского в поздней зрелости С. Кузнецова называла литературными захватчиками, винила в гибели целого поэтического поколения». Стоит только перечитать стихи Светланы Кузнецовой, и сразу становится понятно, что с шумными эстрадниками ей, гордой, независимой сибирячке, чувствующей свои глубинные корни, было не по пути.

Творчество Светланы Кузнецовой и в годы забвения высоко ценилось и признавалось настоящими писателями и критиками. Об ее стихах писали Юрий Кузнецов и Вадим Кожинов. Юрий Кузнецов, который всегда знал себе цену и не очень часто тревожился за чужое творчество, относился к Светлане Кузнецовой очень внимательно. Он назвал ее лучшей современной поэтессой и в статье в «Литературной газете» поставил ее в один ряд с Цветаевой и Ахматовой. Он два раза встречался с ней дома, имел долгие беседы, расспрашивал, как она написала то или иное стихотворение. После смерти Светланы Кузнецовой он вошел в комиссию по ее литературному наследию, провел вечер памяти поэтессы в ЦДЛ. Не менее уважительно к ней относился Виктор Астафьев, с которым они поддерживали дружеские отношения. Виктор Петрович, когда появлялся в Москве, бывал у

Светланы Александровны и, надо полагать, что у двух сибиряков совпадало многое в видении современной реальности. Светлана Кузнецова посвятила Виктору Астафьеву стихотворение:

*Ручьи глубоки, реки же бездонны,
И родина отселе не видна.
Мы беглые чалдоны, мы чалдоны,
И в этом наша внешняя вина,
И внешняя побряжка даровая,
И горевая наша благодать,*

*Чтобы, глаза ночами закрывая,
Уж ни о чем доступном не гадать.
Чтоб, принимая дорогую долю,
Не спрашивая больше о цене,
Нам удалось повеселиться вволю
От давнего величья в стороне.*

Наверняка, «беглым чалдонам» было о чем потолковать в чуждой им Москве, очень жаль, что мы теперь уже ничего не узнаем об их беседах.

Лидия Григорьева, известная русская поэтесса, с которой я дружу давно, хорошо знала Светлану Александровну. Она была среди тех немногочисленных близких людей, которых Светлана Кузнецова приобрела в своей московской жизни. Вот что она вспоминает о Светлане Кузнецовой: «Я увидела ее впервые в Доме литераторов, на большом вечере поэзии. На сцене царили властители поэтических дум тех лет, среди них были три поэта женского пола, блистательные и знаменитые. А Светлана Кузнецова, которую я узнала по портрету одной из ее книг и стихами которой я была очарована, сидела в зале среди зрителей, словно бы сама была не поэт. Она поразила тогда меня своей величавой красотой, великолепной осанкой, гордой посадкой головы, над которой стояло золотое сияние ее волос...»

Лидия Григорьева впервые увидела ее сидящей в зале и справедливо нашла в этом некую метафору — Кузнецовой суждено было подняться на сцену много позже. В перестроечные годы ее произведения стали много печататься, и по свидетельству Лидии Николаевны, «ее стали даже зазывать печататься».

Все творчество Светланы Кузнецовой пронизывает любовь к Сибири, к великой и могучей Лене. Эта любовь и явилась, на мой взгляд, самым основным стержнем ее поэзии.

*Не уеду я. Надоело,
Залила округу вода.
Неприветлива река Лена
И давно уж немолода.
И давно уж ко мне привыкла
Неугодная ее душа,
В мою теплую кровь проникла,
Холодком до сердца дошла.*

*Дотекла она, докатила,
Дозвенела и довела,
Обвинила и осудила,
Повернула мои дела.
Вместе с прежней сордыней кану.
Свой последний приму почет.
К Ледовитому океану
Лена в венах моих течет.*

Надо увидеть Лену у истоков, и там, где в нее впадает Витим, чтобы понять суть этого стихотворения. Какую надо иметь душу, чтобы принять в себя Лену, почувствовать кровное родство с ней! И это очень близко к восприятию северных народов Сибири. В Лене якуты видят могучую, дружественную силу и иначе чем «Лена-матушка» не величают. Кажется, кто-то из критиков мимоходом сказал о Светлане Кузнецовой, что в ней слишком много кровей. Это для нас, наоборот, верный признак настоящего сибиряка. Вероятно, это исходило от стихотворения «Над Витимом угрюмым»:

*Над Витимом угрюмым,
Над таежною далью,
Встали русские думы
Моей бабушки Дарьи.*

*Встали русским весельем,
Встали русской тревогой
Над Сибирью весенней,
Над моею дорогой.*

*Золотистые лица,
Солнца сонного сгустки...
Это в вены стучится
Кровь Анисьи, тунгуски.*

*По любимой, приветной,
Не по чьей-то другой,
По земле, по заветной,
По земле дорогой,*

*И уводит надолго
Вечно новая новь,
Кровь поляка седого,
И татарская кровь.*

*На которой мне светят
Издалека огни,
Где за все я в ответе
В эти щедрые дни.*

Это стихотворение написано Светланой Кузнецовой в 1961 году, можно сказать, в начале литературного пути, но она включала его в более поздние свои издания. И не ее вина, что в ней смешалось столько много кровей, ведь родословная любого сибиряка сродни этой. Почти у каждого потомственного сибиряка в крови найдется хоть капля тунгусской или якутской крови. Без «инородцев», как величали нас в былые времена, без нашей помощи, дружбы вряд ли российские казаки освоили бы столь огромное пространство Восточной Сибири от Енисея до Аляски. «Инородцы» обладали особыми знаниями полярной цивилизации, а в Сибири все подчинено непредсказуемым силам природы. Якутские лошади, олени, северный провиант, знание географии и тайных троп в тайге и горах — все это предоставлялось первопроходцам Сибири местным людям. Где за мзду, а где просто по дружбе. А где приятельство и дружба, там случались и любви. Без этих простых житейских связей трудно представить присоединение столь обширных территорий к Российской империи.

Примесь тунгусской крови ли тому причиной, или все же это проявление сибирского характера, в поэзии, в стихах Светланы Кузнецовой вся природа Сибири родственна ей — и суровая Лена, и угрюмый Витим, и белые снега, и синяя тайга... А образ соболя в ее стихах имеет совершенно разные значения, и в ее поэтической интерпретации соболь становится особым символическим знаком ее творчества.

*И снова на рифме «шири»
Распахивается строка.
Два соболя — герб Сибири —
Смотрят издалека.*

*Я вижу — мой мир устроен.
Я верю — мне жизнь нужна.
Отец мой красив и строен,
А мама моя нежна...*

В этой поэтической картине детства сама поэтесса горько признается: «такой счастливой вовек не буду потом».

*Молчит таежный поселок.
Два соболя смотрят вдаль,*

— заканчивает она стихотворение темой о вечности Сибири. Образ соболя всплывает также в стихах об охоте, где:

*Но по законам свободного лова
Дышит надеждою зверь.
Верит, летя по последнему следу,
В белых сугробах скользя,
Соболь — в спасенье, собака — в победу,
Иначе выжить нельзя.*

На первый взгляд, это действительно стихи об охоте, но здесь поэтесса зорко высмотрела «закон свободного лова», который действует и в человеческой жизни. У каждого своя вера, и без этого выжить невозможно...

Соболь сам по себе — хищник, очень хитрый и осторожный, характер и норов которого знает каждый таежник. В поэзии Кузнецовой образ соболя всплывает и в любовной лирике:

*Я опять над глупой болью
Замираю не дыша.
У тебя душа соболя,
Осторожная душа.*

Только знающий, что значит соболь для сибиряка, наверное, правильно может понять стихотворение Кузнецовой «Соболи»:

<i>И мои, и твои следы</i>	<i>Ты меня к себе не зови,</i>
<i>Не сплетались чтобы,</i>	<i>Здесь печаль особая.</i>
<i>У тебя — зеленые сады,</i>	
<i>У меня — чащобы.</i>	<i>Скоро вьюга снега совет.</i>
	<i>Не суди на слове,</i>
<i>За твоим окном соловьи,</i>	<i>Мои соболи твоих соловьев</i>
<i>За моим — соболи.</i>	<i>Переловят.</i>

Как может показаться на первый взгляд, ответ нелюбимому достаточно жесткий и коварный. Но у соболя свои права в Сибири — он и на гербе, он и «мягкое золото», добыча которого обеспечивает жизнь таежных охотников. Несовпадение душ и устремлений здесь дано в поэтическом противостоянии соболя и соловья.

Дорогой и красивый мех соболя для сибиряков считался роскошью, символом богатства и благополучия. И когда Светлана Кузнецова обращается к любимому:

*Живи, моя услада,
О прошлом не жалей.
Тебе бы шапку надо
Из черных соболей, —*

возможно, герой слишком благополучен и сыт для того, чтобы быть рядом с ней. А когда она пишет:

*Дозволь побыть самой собою.
Не торопи похмельный день.
Дозволь мне шапочку соболю
Игриво сдвинуть набекрень, —*

то это, скорей, просьба о продлении самообмана, а «шапочка соболя» в этом случае — временный антураж мнимого благополучия и понимания.

*«Одеяльце соболе в ногах,
Да подушка в слезах...»
Я вдруг старое вспомню присловье,
Поправляя свое изголовье.*

*Повторяла присловье родня в прошлом веке,
Прикрывая опухшие, тяжкие веки.
... Ну, а мне-то что помнить про то одеяло,
Что облезло до срока, до срока слиняло?*

*Я богата. Бордовая шаль с бахромою
Беззаветно меня согревает зимою,
Бережет ото снов, ведь вставать надо рано,*

*Хоть и весь мой барыш в том, что небо багряно.
Хоть и вся моя прибыль, что с окон герани
Безответно сияют из завтрашной рани.*

*...Ну, а мне-то что думать про давние слезы?
И без слез нелегко продержаться в морозе.
Что прошло, то прошло. Не болит оно боле.
...Что мне делать с тобой, одеяльце соболье?*

Старое присловье, ставшее основой стихотворения, имеет для сибиряков свой, потаенный смысл. Первое — можно быть богачом, который собольим одеяльцем прикрывает ноги, но счастья это не принесет. Второе — барыши и прибыли могут в один прекрасный день улетучиться, и одним утешением останется только небольшое соболье одеяльце как свидетельство былой роскоши. В этом стихотворении, как и в присловье, заложены несколько смыслов, несколько тем, которые бередили душу поэтессы. Будучи потомком известных золотопромышленников Сибири, Светлана Кузнецова не могла не задумываться о наследстве, конечно же, не о материальном, а о духовном, моральном наследстве своих предков. Только сильные, умные, добрые и справедливые люди могли сладить с золотом, это условие северной природы золотодобытчики принимали без оговорок. И «соболье одеяльце», — это наследство поэтессы, которое требует определенных от нее обязательств. Ее тревожит и жизнь, и судьба предков, заслуживших это «соболье одеяльце», и сама она задает себе вопрос, что же делать с этим наследством гордых и независимых своих предков. В стихотворении не дается прямого ответа, но даже то, что «одеяльце соболье» всплыло в творчестве Светланы Кузнецовой, свидетельствует, насколько глубоки и прочны были ее корни в Сибири, насколько крепка была ее родословная. Как бы ответом на риторический вопрос о том, что же делать с собольим одеяльцем, звучит вот это стихотворение:

*Милый друг, веселясь и горя
На сплошной вековой мерзлоте,
Так раскованно вдруг говорю я
О роскошной своей простоте.*

.....
*Потому что невиданно краток
И невиданно беден мой миг,
Не измерен в якутских каратах,
Не исчислен страницами книг.*

*Этот миг от тумана густого
До небесной сквозной чистоты,
От сибирского дна золотого
До высокой моей нищеты.*

Оно написано в 1977 году, во времена вынужденного забвения, но в нем нет горьких сожалений, а есть философское понимание роскоши и бедности, богатства и нищеты. В стихах Светланы Кузнецовой как драгоценные камни рассыпаны свидетельства ее глубокого знания и родственного восприятия якутского видения мира, якутского быта. Ее отношение к Лене и Витиму особое, основанное на глубоком уважении и понимании — эти сибирские, якутские реки дружелюбны и родственны с ней:

*Дружок мой, предавший меня,
Мне эта беда по колено,
Покуда, свой холод храня,
Со мною река моя Лена...*

Или в случае, когда автор пытается убежать из любви, Лена ей как бы и союзница, и советчица:

*Убегаю из любви.
Пожалей, не лови.
До чего же она узка,
Тропочка из плена.
Добрый день, моя река,
Здравствуй, Лена!*

.....
*Я любить устала.
Я бежать устала.
Смой мои слезы.
Дай испить воды.*

*А Лена смеется,
Никак не уймется:
Зря ты ноженьки бьешь,
От себя не уйдешь!*

И снова широкая и светлая Лена, несущая катера вперед, не принимающая чьих-то сожалений, но принимающая добрую память человека:

<i>Катера идут по Лене. Что со мною, не пойму. Пустословье сожалений Не поможет ничему.</i>	<i>В дальний край ведет дорога, В долгой ночи забытье, Это вновь зовет тревога За твоё житье-бытье.</i>
---	---

<i>Полночь вспыхнула кострами. Это вновь меня зовет Далеко, за синь-горами Нашей дружбы зимовье.</i>	<i>Катера идут по Лене. Память сердцу дорога. Грустноглазые олени, Привитимская тайга.</i>
--	--

Сегодня не все современные якуты знают о старинном якутском шарфе из беличьих хвостов, а в стихотворении Кузнецовой это не просто декоративная деталь, а милый образ родной стороны:

*Снегам моей зимы не до цветов.
От белых холодов похорошею.
Якутский шарф из беличьих хвостов
Три раза мягко обовьет мне шею...*

Также очень органично вошел в лирическое стихотворение якутский дымокур, который в верховьях Лены разводят из сосновых шишек и лошадиного навоза против гнуса и комаров:

*Горьковатый дымок дымокура
Над единственной в мире рекой...*

Через судьбы своих предков Светлана Кузнецова, конечно же, отлично знала историю освоения Сибири, более того, она воспринимала это более масштабно:

*Долинная страна,
Мой долгий дом.
Опять сквозь сон меня к себе позовет.
Для азиатки Азия как долг:
Долг крови,
Долг земле
И долг обличью.
Не считано,
Не взвешено,
Не меряно,
А просто так вот взято и доверено,
Но, может, нет сегодня тяжче бремени,
Чем понимать Азию во времени.*

Это не единственные стихи об Азии в творчестве Светланы Кузнецовой. Пожалуй, она первой подняла запретную тему «освобожденной женщины Востока», которые даже в советское время восставали против бесправия в семье:

*Как стыдно быть
Восточной поэтессой
И процветать,
Не написав ни строчки
О соплеменницах,
Сжигающих себя.*

Снова жестко и безжалостно, но правдиво. Для того, чтобы написать об этом в начале 80-х годов XX века, надо было иметь мужество и независимость сибирячки.

*Сад, арыки и собаки,
Ласки чуждой стороны.
Неба огненные знаки
Лучше в Азии видны.*

Светлана Кузнецова была из тех, кто умел видеть эти знаки, ведь не всем дано это видеть. Она знала, что Азия и Сибирь возвращают своих поэтов для правды, достоинства и чести. И эту тему — дочери, оправдавшей или не оправдавшей надежды своей земли, дочери, утратившей свою Сибирь, можно проследить в ее творчестве.

*Кто там за туманами прячется,
Глядит сквозь морозную ночь?
Сибирь моя, мать моя мачеха,
Свою проглядевшая дочь.*

*Давно я ушла бесприданницей.
Ты видишь, как руки пусты?
Себя ощущая изгнанницей,
Взрастила иные цветы.*

.....
*Разлуки с тобой не хотела ...
За что же, за что я в долгу?
За то ль, что тогда уцелела
На белом безгрешном снегу?*

Казалось бы, она давно стала москвичкой, в последние годы жизни к ней пришло признание, издавались книги, наперебой просили стихи журналы и альманахи. Но даже в этом относительном благополучии Светлана Кузнецова остро почувствовала надвигающуюся катастрофу, она связывала ее с концом века. Снова в стихах трагедийное мироощущение, отголоски вселенской беды. И в этом мире, летящем в разруху, вечными ценностями для нее остаются ее Сибирь, ее малая родина:

*Жизнь меж пальцами течет неудержимо, —
Злата горница, серебряна кровать.
Не забыла я ни Лены, ни Витима.
А Витимом можно сына бы назвать!..*

Самое сокровенное и дорогое сердцу воплощено в этих словах, как еще можно точнее сказать о любви к родным местам? Я в свое время перевела это и еще несколько стихотворений Светланы Кузнецовой на якутский язык. Я сама и читатели были удивлены, как замечательно на якутском прозвучало это стихотворение. Витим и Лена для Светланы Кузнецовой оставались всегда надеждой и силой, которые ее питали:

*Но кажется мне иногда:
Сибирских моих полнолуний
Не сгасла за тучей звезда.
И непобедима та сила,
Мне кажется издалека, —
Река, что когда-то взрастила,
Великой надежды река...*

Перед самой смертью, в московской больнице, она, размышляя о жизни, написала в одном из своих последних стихотворений:

*Я была мала, но зато
Мне Витим казался игрушкой,
А теперь я ничто
Перед самой мелкой речушкой...*

Горькие слова. Даже в последние дни жизни для нее остается вечной ценностью, прочным мериллом ее родная Сибирь.

Но в одном не была права Светлана Александровна. Ее помнит и Лена, и Витим, и любая мелкая речушка в Сибири, ибо не было в XX веке более достойного сибирского поэта в русской поэзии.